

10. Ф. 1168. Временная гродненская исполнительная комиссия Временного литовского правительства. Оп. 1, ед. хр. 1, 3, 4, 5, 7.
11. Ф. 1262. Бобруйское уездное по воинской повинности присутствие, Минской губернии. Оп. 1, ед. хр. 5.
12. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора витебского, могилёвского и смоленского. Оп. 1, ед. хр. 440, 473, 5957.
13. Ф. 1416. Витебское губернское правление. Оп. 2, ед. хр. 5025.
14. Ф. 1430. Канцелярия Витебского гражданского губернатора. Оп. 1, ед. хр. 111, 225.
15. Ф. 1517. Борисовский уездный комитет по определению потерь вследствие военных действий 1812–1813 гг. Оп. 1, ед. хр. 1.
16. Ф. 1537. Минское губернское для военных повинностей присутствие. Оп. 1, ед. хр. 1, 4, 11, 13, 18, 26, 27, 33, 40, 41.
17. Ф. 1587. Бобруйское уездное для военных повинностей присутствие. Оп. 1, ед. хр. 3.
18. Ф. 2001. Канцелярия Могилёвского гражданского губернатора. Оп. 1, ед. хр. 22, 23, 24, 37.

Михальченко С. И.

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
(г. Брянск, Российская Федерация)*

ПИСЬМА Ф. В. ТАРАНОВСКОГО В ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВАХ¹

История русской эмиграции первой волны не перестает привлекать внимания отечественных историков. Важнейшим и пока еще далеко не полностью введенным в научный оборот источником, является переписка эмигрантов, в том числе, ученых. Среди них – юрист и историк Федор Васильевич Тарановский (1875–1936). Выпускник Императорского Варшавского университета, Тарановский был доцентом и профессором Варшавского (1899–1906), Юрьевского университетов (1908–1917), Демидовского юридического лица в Ярославле (1906–1908). В 1917 г. его избрали профессором Петроградского университета (еще с 1912 г. в качестве приват-доцента он читал там лекции). Уехав затем на Украину, он был деканом юридического факультета вновь образованного Екатеринославского университета, в 1918 г. стал одним из основателей Всеукраинской Академии наук. Сотрудничество с антибольшевистскими движениями, в конце концов, привело его к эмиграции. С 1920 г.

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (грант № 18-09-00437).

вплоть до смерти он – профессор Белградского университета по кафедре истории славянских законодательств [6].

Тарановский написал за свою жизнь множество писем, часть из которых уже становилась предметом анализа [5]. Предлагаемая статья содержит характеристику двух комплексов писем Тарановского из зарубежных архивов.

Вначале – о письмах известному русско-американскому историку Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1973) [3]. Они относятся к 1920–1927 гг. и хранятся в фонде Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. Ценность этого архива для изучения истории русской эмиграции неоднократно отмечалась в литературе [9]. Постоянно вводятся в научный оборот и неопубликованные материалы из фондов этого собрания.

В 1920-е гг. эмиграция и Вернадского, и Тарановского только началась. Если Тарановский сразу смог определиться с местом жительства и работой и в итоге все эмигрантские годы провел в Белградском университете, то первые годы эмиграции Вернадского оказались наполнены переездами и работой в разных научных и учебных заведениях Европы: вначале он жил в Константинополе, затем в Афинах, работая в библиотеке Греческой археологической ассоциации, а с 1922 по 1927 г. преподавал на Русском Юридическом факультете в Праге, после чего переехал в США, где стал профессором Йельского университета. Всего сохранилось 11 писем Тарановского Вернадскому [2]¹. Ответных писем не найдено, вероятно, они не сохранились, так как белградский архив Тарановского погиб при бомбежке немцами столицы Югославии в 1941 г. [8, с. 331]. Однако, поскольку особенностью писем Тарановского является то, что в начале каждого из них он фактически пересказывал с комментариями содержание письма к нему Вернадского, то письма Тарановского позволяют многое узнать как о его жизни, так и о Вернадском, письма которого, как выше указано, не сохранились.

Первое письмо написано Тарановским 20 декабря 1920 г. и направлено в Константинополь. В нем он выражал радость по поводу вызволения Вернадского с супругой из «ада». Главное содержание письма (как и нескольких следующих) – попытка получения Вернадскими визы в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС). С визой обещал помочь сербский митрополит Досифей (1877–1945). Относительно воз-

¹ Далее все цитаты из писем приводятся по этому источнику. Нумерация листов единиц хранения в архиве отсутствует.

возможности обустройства в КСХС Тарановский был исполнен пессимизма: устроиться, по его мнению, в Белградский университет возможно только на богословский факультет, другие факультеты переполнены. Предлагал Вернадскому рассмотреть иные варианты трудоустройства – в семинарию, гимназию или на вновь открытый философский факультет в Скопле (Скопье) в македонской части государства.

К марту стало ясно, что с получением визы что-то не складывается: Вернадский пошел было за визой, но консул сказал, что ее пока нет. По выраженному в письме от 2 марта 1921 г. мнению Тарановского, может ничего и не выйти тогда, поскольку процесс получения виз вообще усложнился и даже протекции не помогают. Видимо, «обманули или смошенничали, что в порядке вещей на Балканах», – сетовал автор письма. – А заочно устроиться в университеты нельзя, надо долго ходить лично. В этих условиях Тарановский советовал не пренебрегать возможностью устройства в Болгарии, если таковая появится. Сообщил, что приват-доцент Арсеньев устроился в Кенигсберге¹. Судя по письмам Тарановского, попытки Вернадского переселиться в КСХС не прекращались весь 1921 г. Так, в письме от 9 октября 1921 г. Тарановский приветствовал намерение Вернадских обосноваться в словенской Любляне и стать профессором незадолго перед тем открытого там университета. Советовал связаться с уже начавшим в нем преподавание бывшим деканом историко-филологического факультета университета Св. Владимира в Киеве Николаем Михайловичем Бубновым.

Как известно, в итоге, в 1922 г. Вернадский стал профессором Русского Юридического факультета (РЮФ) в Праге, влившись в число сотен русских эмигрантов, получивших поддержку в рамках так называемой «русской акции». В письме от 17 мая 1922 г. Тарановский выражал радость по этому поводу и, со своей стороны, делился собственными успехами – писал об «оазисе в душевной пустыне эмигрантской жизни», устроенном им в 1920 г. в Земуне – Религиозно-философском кружке. (Как вспоминал участник кружка известный философ Василий Васильевич Зеньковский, «работали мы дружно, все прежнее или забылось, или отодвинулось», причем «самым интересным и живым членом и участником этих собраний был сам Ф. В. [Тарановский]. Широко образован-

¹ Арсеньев Николай Сергеевич (1888-1977) – философ и культуролог. В 1912–1917 гг. приват-доцент Московского университета. Участник Белого движения. Эмигрировал. В 1922-1944 гг. преподавал в Кенигсбергском университете, с 1947 г. – в Свято-Владимирской Духовной семинарии в США.

ный, привыкший к точным юридическим формулировкам, он мыслил очень ясно и четко и всегда укреплял свои религиозные позиции пережитым опытом» [4, с. 53]).

Первоначальная эйфория, связанная с устройством в Праге, вероятно, скоро сменилась тревогой и разочарованием – все сильнее стало приходиться понимать того, что большевики пришли надолго, и вероятность устройства выпускников РЮФ в России маловероятна. Наметился кризис Русского Юридического факультета, количество студентов начало уменьшаться [3, с. 184]. Видимо, все это было причиной возобновления поисков Вернадским нового места службы. Из недатированного письма (по содержанию относящегося к 1924 г.) следует, что Вернадский вновь поднял вопрос об устройстве в Белградском университете: по его мнению, предполагался уход с кафедры русской истории престарелого профессора Георгия Емельяновича Афанасьева (1848–1925). Тарановский разъяснил Вернадскому его ошибку: Афанасьев, как и все русские, был гонорарным профессором (т. е. почасовиком), а на кафедре был еще ординарный профессор из сербов. К тому же, отдельной кафедры русской истории в университете не было, а Афанасьев, как специалист по Франции, преподавал на кафедре всеобщей истории. По мнению Тарановского, эмигранту в КСХС нигде уже устроиться невозможно. Например, на философском факультете в Скопье (который рассматривался как место возможного устройства Вернадского в 1920–1921 гг.) после ухода в Софийский университет историка-медиевиста русского эмигранта П. М. Бицилли взяты на работу два местных доцента.

Другие письма 1924–1927 гг. наполнены, в основном, размышлениями Тарановского о прочитанных книгах (в том числе, присланных Вернадским) или о событиях, свидетелем или участником которых он был. В письме от 31 марта 1924 г. Тарановский, благодаря адресата за присылку его учебника по истории русского права (*Вернадский Г. В. Очерк истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. Прага, 1924*), приветствовал внимание Вернадского к взаимоотношениям церкви и государства, но сомневался в правильности выбора хронологического периода (императорской России). У самого Тарановского работа над «Очерком истории русского права» не клеилась, как он сообщал в письме от 13 апреля 1925 г. [Книга выйдет только через три года на польском языке (*Taranowski F. Historia prawa rosyjskiego. Lwow, 1928. Cz. 1*)].

Весьма информативно письмо от 23 ноября 1926 г.: Тарановский сообщал, что в Белграде в следующем году решено провести Второй конгресс византологов. Приглашая Вернадского к участию в конгрессе (для

участников виза и проезд по железной дороге КСХС бесплатны), он передавал просьбу главного организатора, профессора Богословского факультета Белградского университета византиниста Драгутина Анастасиевича узнать, получила ли русская Прага приглашения.

Последнее письмо Тарановского датировано 28 мая 1927 г. Ученый делился с коллегой впечатлением от только что посмертно опубликованных весьма откровенных мемуаров знаменитого искусствоведа и историка Н. П. Кондакова (Воспоминания и думы. Прага, 1927) – «впечатление жуткое». В Белграде готовились праздновать День русской культуры (приуроченной ко дню рождения А. С. Пушкина) и Тарановский готовил речь «Государственные воззрения Пушкина».

Писем более позднего периода не сохранилось.

Несмотря на относительную краткость эпистолярного комплекса, представляется, что письма Тарановского Вернадскому являются важным источником по истории как эмиграции в целом, так и биографий и научных воззрений Ф. В. Тарановского и Г. В. Вернадского.

Значительный комплекс писем Тарановского хранится в Архиве Республики Словении в Любляне (Arhiv Republike Slovenije). Они находятся в фонде близкого друга Тарановского, юриста и философа, с 1930 г. профессора Люблянского (а ранее Белградского) университета, Евгения Васильевича Спекторского (1876–1951) [7].

Сохранилось 11 писем и открыток Тарановского за 1931–1934 гг. [1]. (Вообще, эти и другие письма в фонде хранятся в конвертах, примерно по 40 – 60 штук в каждом. Принцип их объединения в тот или иной конверт не всегда удается понять, но чаще он хронологический. Общее количество писем – около 1100 штук. К сожалению, отсутствие нумерации листов хранения делает невозможным точные ссылки, они возможны только на фонд и коробку). В письмах содержится разнообразная, иногда – уникальная, информация. Так, из писем следует, что в начале 1930-х гг. в среде русской эмиграции родилась идея издать сборник «Трудные вопросы». В нем должна была идти речь о том, как вести себя эмигрантам после падения власти большевиков в России. На предложение инициаторов сборника (среди которых был Спекторский) поучаствовать в нем Тарановский ответил отказом, причем сама идея сборника представлялась ему непродуманной. Он подчеркивал, что «для сборника нужен съезд участников. План должен быть разработан и всеми хорошо усвоен. Иначе сборник не оправдает себя и может даже оказаться вредным. Это должен быть план действий, сочетания разума и воли, – ясность, определенность, решительность. Если этого не будет, то лучше

не писать». Тарановский вообще полагал, что нельзя посвящать книгу «трудностям, с которыми придется встретиться в случае падения большевиков». А то сам собой будет напрашиваться ответ – пусть большевики остаются. Задачи простые будут: диктатура для удержания порядка, доставление хлеба проголодавшимся, одежды раздетым... Попутно – организация государственно мыслящего населения, – нечто вроде фашистов, причем организовать их нужно так, чтобы они всегда были готовы выйти на улицу для подавления реставрационных коммунистических попыток.

Тарановский касается в письмах и подготовки издания к 100-летнему юбилею Киевского университета Св. Владимира. Юбилей вуза, с которым были связаны дореволюционные судьбы многих проживавших в зарубежье (в том числе, в Любляне) эмигрантов и попадавший на 1934 г., в Югославии было решено отметить изданием сборника статей. Редакторскую работу взял на себя Спекторский, в число авторов был приглашен и Тарановский. Но по мере подготовки книги ее концепция изменилась, и вместо сборника фактически остался только написанный Спекторским очерк истории университета. В такой ситуации Тарановский счел за лучшее отказаться от участия в книге. «Я предполагал, что сборник в честь Киевского университета будет состоять из статей по истории отдельных кафедр, – писал Тарановский летом 1934 г. – Тогда имела бы смысл и статья о русской истории. Но раз этого не будет, а только общая памятка, написанная единолично Вами, то моя статья теряет свой *raison d'être*, и потому я очень прошу освободить меня от данного обещания. О значении Киевского университета для истории русского и славянского права я произнесу речь в заседании Русского Научного Института, посвященного университету». Через несколько дней вновь та же мысль: «Думаю о брошюре Киевской и окончательно прихожу к выводу, что случайно выхваченная статья об истории права не имеет для себя достаточного основания. Посему прошу Вас освободить меня от данного Вам обещания». В итоге вышла книга объемом 101 с., представляющая собой историю университета([Спекторский Е. В.] Столетие Киевского университета Св. Владимира: 1834–1934. Белград: Издательство Комитета киевских профессоров в Любляне, 1935), Тарановский в ней участия не принимал.

Немало информации содержится в письмах Тарановского о коллегах по научному цеху. Став в 1930 г. директором Русского Научного Института в Белграде, он пересекался со многими из них в процессе деятельности этого учреждения. Так, например, высоко оценивая в

целом деятельность П. Б. Струве («если Струве уйдет из Белграда, то это будет большой потерей для Института»), Тарановский полагал, тем не менее, что тот «заводит в Институте вредную в научном отношении и, строго говоря, недопустимую манеру говорить всякому обо всем, не считаясь со специальностью». При этом он соглашался с мнением о Струве, высказанным сербским филологом А. Беличем: «Трудно сказать, в какой области он является теперь специалистом, но он врос в русскую общественность и является в ней большой интеллектуальной силой».

Струве «отличился» и при праздновании юбилея Ф. М. Достоевского в Русском Научном Институте в Белграде. Тарановский, как директор института, выступил организатором празднования. Торжественное заседание состоялось 15 февраля «в присутствии ... массы публики». В письме Спекторскому Тарановский сетовал: «Струве опоздал и явился только во время моего вступительного слова, снимал пальто тут же перед эстрадой, читал сидя, развалившись, с руками в карманах. Абсолютно не приготовился, останавливался, бегал, екал, тряс бородой, тыкал руками в пространство, мычал без связи, комкал». Лучше выступил другой лектор, славист А. Л. Погодин, который «приготовился», но и он «читал по писаному» и «содержание было слабое».

Письма Тарановского наполнены также личной информацией. Особую ценность имеет информация о его сыне, будущем известном лингвисте, а тогда начинающем исследователе и поэте Кирилле Тарановском (1911–1993). 19 марта 1931 г. Ф. В. писал: «Вчера Кира выступал на литературно-художественном вечере, – читал свои переводы Северянина и Есенина, – имел большой успех».

В фонде Спекторского хранится и более десяти писем К. Ф. Тарановского, а также жены Ф. В. Тарановского – М. Н. Тарановской.

Охарактеризованные письма – лишь часть эпистолярного наследия Ф. В. Тарановского, но и на их примере можно увидеть высокую ценность его переписки как источника по истории русской эмиграции первой волны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Arhiv Republike Slovenije (ARS). Fond SI AS1901. Škatla 1
2. Columbia University. Rare book library. Bakhmeteff Archives. G. Vernadsky papers. Box 10. F. V. Taranovskii letters.
3. *Дворниченко А. Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.

4. *Зеньковский В.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1994. Т. XXVI. С. 3–64.
5. *Михальченко С. И.* Письма Ф. В. Тарановского в архивах России как исторический источник // Актуальные вопросы изучения и преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова. Витебск, 25–28 апреля 2018 г. / под ред. В. А. Космача, А. Н. Дулова. Витебск : ВГУ, 2018. С. 44–46.
6. *Михальченко С. И.* Федор Васильевич Тарановский // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 16–33.
7. *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 31–53.
8. *Омельченко О. А.* Федор Васильевич Тарановский // Право и жизнь. 1994. № 6. С. 330–341.
9. Россия в США: 50-летию Бахметевского архива Колумбийского университета посвящается: [Сб. ст.] / сост. А. В. Попов. М. : Б. и., 2001. 351 с.

Монзуль В. Ю.

ГУ «Национальный архив Республики Беларусь» (г. Минск, Республика Беларусь)

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИТАЛИЙСКИХ СОЮЗНИКОВ РИМА В II–I вв. до н. э.

Глобализация, увеличение академической мобильности, расширение возможностей для международной коммуникации учёных в конце XX – начале XXI в. оказали огромное влияние на историков, исследующих различные вопросы истории Древнего Рима, в том числе сложный и дискуссионный вопрос о политической борьбе по вопросу о гражданско-правовом статусе его итальянских союзников в конце II – начале I в. до н. э. В результате названных выше процессов постепенно происходят, во-первых, стирание границ национальных антиковедческих школ и, во-вторых, их более тесное вовлечение в глобальный исторический дискурс. Тем не менее, некоторые отличия между этими школами сохраняются. Так, французских антиковедов отличает повышенное внимание к эпиграфическим источникам, что связано с изданием во Франции «Эпиграфического ежегодника» – одного из важнейших археографических изданий в этой сфере – и с длительной традицией опоры на эпиграфический материал в исследованиях. Итальянские историки в силу естественных причин лучше знакомы с результатами археологических